

— Садись назад и не вздумай меня касаться, — Цинь Фэн с нескрываемым пренебрежением велел чёрной змее держаться подальше.

Тот был крайне недоволен:

— Если я отодвинусь ещё хоть на цунь, то просто свалюсь! Ты хоть капельку совести имеешь?

Цинь Фэн посмотрел на него с такой ледяной пронзительностью, что змей тут же съёжился и больше не смел проронить ни слова.

Чу Ханьюэ посмотрел на затянутое тучами небо:

— Скоро пойдёт снег. Нужно поторопиться.

Им удалось добраться до ближайшего селения как раз перед тем, как разыгралась метель. Местные жители оказались людьми нелюдимыми и суровыми: они наотрез отказывались пускать чужаков на постой, даже за приличные деньги. Лишь после долгих поисков нашлась одна семья, согласившаяся их приютить. Люди эти жили бедно, так что гостям выделили всего одну комнату, где из мебели был лишь широкий кан — общая тёплая лежанка.

Цинь Фэн давно грезил о том, чтобы разделить ложе с Чу Ханьюэ наяву, а не в Мире сновидений, но он никак не ожидал, что между ними вклинится третий лишний.

Он мрачно уставился на чёрную змею, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— Ты не можешь принять свой истинный облик?

Змей, уже успевший забиться под одеяло и выглядывавший лишь испуганными глазами, пролепетал:

— А где Бессмертный господин Чу? Почему он до сих пор не вернулся?

— Наверное, в уборную отошёл, — Цинь Фэну и самому это казалось странным. Чу Ханьюэ не было уже довольно долго. А ведь он так надеялся, улучив момент, притвориться спящим и невзначай прильнуть к груди наставника.

— Он туда ушёл или он там провалился? — буркнул змей и тут же с головой нырнул под одеяло, не смея больше показываться.

\*\*\*

Чу Ханьюэ всегда любил тишину и уединение. Если не считать сновидений, он никогда ни с кем не делил постель. Ему было куда привычнее оставаться на холоде, чем ютиться в тесноте с этими двумя.

Когда Цинь Фэн вышел на крыльцо, он увидел Чу Ханьюэ под навесом. Тот стоял совсем один, созерцая падающий снег, и в этой одинокой фигуре было что-то пронзительно печальное. Цинь Фэн часто заставлял его в таком состоянии: даже если рядом были люди, Чу Ханьюэ всегда казался отчуждённым, словно воздвигал между собой и миром незримую стену. Было ли это его истинной натурой, или он просто пытался соответствовать тем нелепым «Жизнеописаниям Бессмертного почтенного Хуаяна: Главе о быте», которые когда-то в шутку оставил Цинь Фэн?

Хотя те записи распространились без злого умысла, Цинь Фэну было не по себе. Ему меньше всего хотелось, чтобы Чу Ханьюэ страдал из-за его выходок.

— Наставник, — Цинь Фэн набросил на его плечи плотную накидку. — На улице стужа, вернёмся в дом.

Чу Ханьюэ снял плащ и, напротив, заботливо укутал в него ученика.

— Ни к чему. Я не боюсь холода.

Цинь Фэн коснулся его руки — наставник был ледяным.

— Наставник, вы лукавите.

Чу Ханьюэ резко отвёл руку и укоризненно посмотрел на него. Он достал из складок одежды талисман, прошептал заклинание, и вокруг них возник тёплый барьер, преградивший путь ледяному ветру и снегу.

— Раз у вас есть такая техника, почему же вы не использовали её раньше? — с любопытством спросил Цинь Фэн.

— Мне нравится ощущать силу природы, — ответил Чу Ханьюэ.

— Но ведь само стремление к бессмертию идёт наперекор природе, — заметил Цинь Фэн. — Вы и вправду так сильно хотите стать небожителем?

Чу Ханьюэ кивнул без малейших колебаний:

— Хочу.

Он обернулся и слегка потрепал Цинь Фэна по макушке.

— В мире слишком много боли. Нужно стать сильным, чтобы искоренить её.

— Но страдания никогда не исчезнут, — Цинь Фэн чувствовал прохладу ладони наставника и невольно потёрся головой о его руку, словно ласковый зверёк. Ему отчаянно хотелось сейчас же погрузиться в сон, чтобы там обнять Чу Ханьюэ и согреть его своим теплом.

— Даже если знаешь, что ничего не изменить, ты всё равно обязан пытаться, — Чу Ханьюэ едва заметно улыбнулся. — Подрастёшь — поймёшь.

Цинь Фэн замер. Он никогда раньше не видел, чтобы Чу Ханьюэ улыбался так тепло. Пожалуй, он вообще никогда не видел его улыбки.

— Это тоже слова из «Сборника деяний и жизнеописания Бессмертного почтенного Хуаяна»?

Чу Ханьюэ подтвердил:

— Именно так.

Цинь Фэн нахмурился:

— Времена меняются, и люди меняются тоже. А что, если Бессмертный почтенный давно пожалел о сказанном? У каждого свой путь, и колесо судьбы неумолимо толкает нас вперёд. Сегодня человек страдает, а завтра ему улыбнётся удача. Если вмешаться в момент его скорби, можно ненароком лишить его и будущего счастья.

Чу Ханьюэ опешил, удивлённо глядя на него. Эти рассуждения напомнили ему слова его собственного наставника.

— Если в минуту отчаяния он встретил меня — это и есть его удача. И вообще, что с тобой сегодня? Рассуждаешь точь-в-точь как дряхлый старик.

«Старик!»

Цинь Фэн почувствовал себя так, словно в колено ему угодила стрела.

— Похоже, снег затянется на всю ночь, завтра на лошадях далеко не уедем, — Чу Ханьюэ мельком посмотрел на ученика. — Раз уж тебе не спится, давай-ка проверим твою храбрость.

— Храбрость? О чём вы? — Цинь Фэн не понял: неужели его прямо сейчас потащат изгонять

какую-нибудь нечисть?

Вместо ответа Чу Ханьюэ обнажил меч.

— Ученики Горы Юньцзянь поначалу всегда боятся полётов на мече. У многих подкашиваются ноги, начинается тошнота, а кто-то и вовсе падает в обморок. Поэтому они привыкают к высоте постепенно, день за днём. Но у нас нет времени. Я возьму тебя с собой, чтобы ты привык. Если станет совсем невмоготу — я просто тебя вырублю.

Цинь Фэн:

—... А нельзя ли как-то понежнее?

Чу Ханьюэ не ответил. Он подхватил ученика под локоть и увлёк за собой на лезвие меча. Ветер немного стих, но летящий снег всё равно бил Цинь Фэну прямо в лицо.

Тот хитро прищурился, притворно задрожал всем телом и мёртвой хваткой вцепился в талию Чу Ханьюэ, прижимаясь лицом к его груди.

— Наставник, здесь так высоко! Мне страшно! Можно я обниму вас покрепче?

<http://bllate.org/book/17570/1657661>